

Гу Цинсю и представить не мог, что сорвётся. Ведь они оба были начеку, а контакт происходил так буднично, почти осторожно. И всё же он потерял контроль. Его поведение было резким, даже грубым — совершенно не в его правилах.

В гостиной повисло тяжёлое молчание. Воздух, пропитанный феромонами, казался густым; аура Альф уже выплеснулась за пределы комнаты, просачиваясь на балкон.

На пике эмоций прохладный, терпкий аромат красного вина стал почти осязаемым. Инь Чжоу даже не осознавал: чем яростнее он сопротивлялся, тем сильнее возбуждались феромоны Гу Цинсю. Это было выше воли — первобытный, неодолимый инстинкт.

Гу Цинсю понимал: если он не возьмёт себя в руки сейчас, если позволит феромонам и дальше управлять разумом, последствия будут непредсказуемыми.

На виске мужчины вздулась вена.

— Убери свои феромоны, — прохрипел он, едва сдерживаясь.

Инь Чжоу лишь вызывающе усмехнулся. Он ещё сильнее надавил предплечьем, вжимаясь в кадык актёра:

— Не с того начинаешь, учитель Гу. Не кажется ли тебе, что первым их должен убрать ты? Твоя аура явно не настроена на дружескую беседу.

— Ты даже не представляешь... — Гу Цинсю осекся и с силой зажмурился.

— Чего я не представляю? — холодно бросил Инь Чжоу. — Того, что ты сейчас хочешь со мной сделать? Прости, но я всё прекрасно понимаю. Мы оба Альфы, забыл?

Голос юноши ввинчивался в сознание, а его феромоны, подпитываемые яростью, продолжали провоцировать собеседника.

«Не смей говорить... не смей сопротивляться... не смей идти мне наперекор...» — билось в голове актёра. — «Иначе...»

«Нельзя так думать! Хватит!»

Гу Цинсю заставил каждую мышцу подчиниться своей воле. Медленно, дюйм за дюймом, он начал втягивать свою ауру обратно. Это было мучительно: он кожей ощущал протест

собственного естества. С одной стороны — кипящая жажда, с другой — ледяной самоконтроль. На мгновение ему показалось, что личность раскалывается надвое.

Загонять феромоны обратно в тело было всё равно что заставлять изголодавшегося хищника выпустить из пасти кусок сочного мяса. Причём выталкивать его кончиком языка, когда вкусовые рецепторы уже ощутили сладость добычи, а зубы жаждали впитаться в плоть, искромсать её, выдавливая до последней капли пьянящий сок.

И только привычка к железной дисциплине позволила мужчине не довести дело до катастрофы.

Инь Чжоу ничего об этом не знал. Но он видел, как тяжело даётся партнёру каждое движение.

Феромоны Гу Цинсю ставили его в тупик. В них не было простого отторжения; это была сложная, невероятно активная смесь импульсов, которую Инь Чжоу не мог расшифровать до конца.

Он видел, как вздулись жилы на запястье, которое он сжимал. Противник не пытался напасть намеренно — это была спонтанная реакция на стресс. Поняв это, Инь Чжоу тоже начал успокаиваться, хотя взгляд его оставался серьёзным. Кажется, ситуация была куда сложнее, чем он предполагал.

Когда Гу Цинсю окончательно отозвал свою ауру, его спина была мокрой от пота. Он первым разжал ладонь и отступил на несколько шагов.

— Прости, — хрипло выдавил он.

Инь Чжоу тоже убрал свои феромоны. Сев на диван, он принялся растирать покрасневшую кисть, внимательно изучая собеседника:

— Ты как? В порядке?

— Теперь да.

Инь Чжоу недоверчиво хмыкнул:

— Уверен?

Тело Альфы всё ещё было напряжено; прямые плечи казались окаменевшими.

— Должно быть, из-за того, что я впервые столкнулся с твоими феромонами напрямую... я

среагировал слишком остро. Извини.

Он извинился уже второй раз. Инь Чжоу, который всегда смягчался перед искренностью, махнул рукой:

— Пустое. Я догадывался, что будет непросто, но такого не ожидал. Видимо, мы с тобой на биологическом уровне несовместимы. Бывает же: у кого-то идеальное созвучие, а у кого-то — полная конфронтация. Надеюсь, со временем это пройдет. Ты... готов продолжать тренировки?

Он всерьёз опасался, что Гу Цинсю откажется от затеи. Но тот ответил без колебаний:

— Да. Мы продолжим.

— О?

Гу Цинсю не стал объясняться. Несмотря на вспышку, он почувствовал, что на этот раз отторжение было слабее, чем в их первую встречу в баре. Аромат красного вина всё ещё витал в воздухе, и он с удивлением поймал себя на мысли, что запах ему не противен. Скорее... он готов был его принять.

Если Альфа способен мириться с чужой аурой, значит, надежда есть.

— Твои феромоны... — Инь Чжоу на мгновение задумался. — У меня возникло ощущение, что они живут своей жизнью и едва тебе подчиняются. Это из-за твоего уровня ЗА?

— Возможно.

«Да уж, несладко ему приходится, — подумал юноша. — Хорошо, что я единственный, на кого он так реагирует, иначе быть беде».

— В следующий раз давай без геройства. Чувствуешь, что теряешь контроль — сразу прекращаем. Думаю, дело в том, что мы вспотели, и контакт стал слишком тесным. В следующий раз не сжимай руку так сильно. Будем делать паузы, постепенно увеличивая время.

Гу Цинсю молча кивнул. Установилось неловкое затишье. Совсем недавно они едва не сцепились в яростной схватке, и отголоски этого столкновения всё ещё ощущались в воздухе. К счастью, оба были разумными людьми: один сумел вовремя остановиться, другой — разглядеть истинные мотивы партнёра.

— На сегодня... — Инь Чжоу взглянул на часы, — продолжим?

Их попытка не продлилась и десяти минут.

Гу Цинсю покачал головой:

— На сегодня хватит. Продолжим завтра.

— Договорились. Отдыхай. Увидимся на площадке.

Инь Чжоу уже направился к выходу, когда за спиной раздался голос актёра:

— Подожди. Твоя железа.

Юноша, не оборачиваясь, махнул рукой:

— Ерунда. Ты меня не задел.

Гу Цинсю запнулся. Он имел в виду вовсе не их недавнюю стычку. Ещё днём, во время съёмок, Инь Чжоу в образе Ло Цяня так сильно вцепился в собственную шею, чтобы подавить ложную течку болью, что на железе остались багровые следы. Сейчас Гу Цинсю заметил, что они стали ещё ярче.

Он хотел посоветовать воспользоваться мазью, но Инь Чжоу уже закрыл за собой дверь. Оставшись один, Гу Цинсю прислонился поясницей к подоконнику. Ночной ветер ворвался в открытое окно, развеивая последние нотки винного аромата. Только тогда Альфа позволил себе наконец расслабиться.

Поскольку съёмки начинались утром, Инь Чжоу перед сном решил ещё раз просмотреть сценарий. Однако сосредоточиться не получалось — мысли путались, вероятно, под воздействием чужой ауры.

Почувствовав зуд на затылке, он машинально почесал кожу, но резкая боль заставила его вздрогнуть. Зайдя в ванную и стянув футболку, артист увидел в зеркале три отчётливые царапины. Железа припухла. Днём он сам расцарапал её до крови, а недавнее столкновение с феромонами Гу Цинсю лишь усугубило воспаление.

«Так вот о чём он хотел сказать», — догадался Инь Чжоу. На его бледной коже отметины выглядели пугающе ярко. Решив, что до свадьбы заживёт, он не стал искать лекарство.

Утром Сяо Ян ждала его у двери. Не дождавшись ответа в семь часов, она решила, что артист

проспал, и постучала. Через пару минут юноша открыл дверь.

Стоило ему показаться на пороге, как Сяо Ян застыла на полуслове. Её буквально накрыло густым, хмельным ароматом красного вина. Девушка широко раскрыла глаза. Будучи Бетой, она не ощущала давления феромонов, но прекрасно чувствовала запах.

Инь Чжоу, ещё не совсем проснувшийся, виновато прикрыл глаза:

— Ой, прости. Утром контроль подводит.

Он тут же подавил выплеск энергии. Ночь выдалась беспокойной; обычно во сне он выделял лишь каплю феромонов, но сегодня их явно было в избытке. Встать тоже оказалось задачей не из лёгких: он раз за разом выключал будильник, пока стук в дверь окончательно не вырвал его из объятий сна.

— Ничего страшного, брат Чжоу! Наверное, допоздна за сценарием сидел? Иди умывайся, время ещё есть.

Пока Инь Чжоу был в ванной, Сяо Ян, оставшись в дверях, не удержалась и принюхалась. Запах был божественным — терпким, благородным, от него кружилась голова. В порыве восторга она сделала запись в социальных сетях:

[Ранее сестры говорили, что быть Бетой плохо, но я не согласна! Нас не лихорадит от чужих феромонов, как Альфа и Омега, зато мы можем наслаждаться их ароматами! Особенно когда они ТАКИЕ. Это же просто счастье какое-то!]

Ответы посыпались незамедлительно:

[Ого! Чей это запах? Альфа или Омега? Неужели твой артист?! Мамочки!!]

[Ха-ха, полностью согласна! У нас нет ни течек, ни периодов восприимчивости. Мой друг Альфа недавно признался, что завидует нам — мы полностью владеем своими телами, а его каждый месяц просто выворачивает наизнанку!]

Сяо Ян с улыбкой читала комментарии, когда ей пришло личное сообщение от менеджера:

[Ся Лян: Это Инь Чжоу? С ним всё в порядке?]

Сяо Ян тут же ответила: [Всё хорошо, сестра Ся! Просто утром, когда он открыл дверь, в комнате стоял сильный запах его феромонов.]

[Ся Лян: Запах был тяжёлым?]

Сяо Ян, хоть и не обладала чутьём Альфы, поняла подтекст: [Пожалуй, да. Сестра Ся, я помню, что до его периода восприимчивости ещё недели две?]

[Ся Лян: Верно. Возможно, он просто не выспался. К тому же недавнее отравление алкоголем могло вызвать временный сбой. Напомни ему быть осторожнее.]

[Сяо Ян: Хорошо, я поняла.]

Когда Инь Чжоу закончил со сборами, они направились к лифту, и помощница передала ему слова менеджера. Артист и сам понимал, что его система феромонов сейчас нестабильна, но полагал, что это проявляется только в бессознательном состоянии. Наяву проблем быть не должно.

Двери лифта открылись. Юноша уже собирался войти, поправляя кепку, как вдруг заметил внутри двух человек. Слева стоял мужчина с невероятно длинными ногами. Скользнув взглядом вверх, Инь Чжоу встретился с до боли знакомыми глазами.

Какое совпадение. Это были Гу Цинсю и его помощница Ши Инь.

— Учитель Инь, доброе утро! — радостно воскликнула девушка.

Инь Чжоу лишь на мгновение замялся, прежде чем зайти.

— Утро. И вам доброе утро, учитель Гу.

— Утро, — негромко отозвался тот.

Двери закрылись, превращая лифт в тесную капсулу. Гу Цинсю первым уловил едва заметный аромат красного вина и слегка нахмурился. Спустя десять секунд его почувствовала и Ши Инь:

— Ой, учитель Инь, это ваши феромоны?

Сяо Ян удивлённо взглянула на артиста. Она-то думала, что он всё убрал, ведь сама больше ничего не чувствовала. Девушка тут же выудила из сумки ингибитор-спрей. Инь Чжоу сделал пару пшиков и обернулся к Ши Инь:

— Простите. У меня сейчас небольшой разлад с феромонами, утром трудно их контролировать.

— Ничего страшного! Я пользуюсь блокаторами, — Ши Инь слегка покраснела. — К тому же...

у вас очень приятный запах. Ой, простите, я вечно ляпаю не подумав!

Обсуждать запах феромонов Альфы — дело интимное, особенно между мужчиной и женщиной. Но ароматы действуют слишком прямолинейно, их нельзя игнорировать. Обычно такие вещи обсуждают за спиной или в сети. Например, никто не рискнёт в лицо Гу Цинсю рассуждать о его «Белом тумане в лесу», хотя в интернете это тема номер один.

— Всё в порядке, я не обидчив. Спасибо, — Инь Чжоу прищурился. — Хотя не уверен, что учитель Гу разделяет твой восторг.

Ши Инь невольно перевела взгляд на своего босса. Гу Цинсю проигнорировал подколку — такая малая доза феромонов не могла вывести его из строя. Заметив тени под глазами Инь Чжоу, он негромко спросил:

— Не выспался?

— Есть такое, — кивнул юноша. — Видимо, вчера перебрал с твоими феромонами, небольшая ответная реакция. А ты?

— Тоже плохо спал.

— Хорошо хоть кошмары не мучили. Раз их нет, значит, наши ауры не так уж и враждуют, а? А я-то перед сном гадал, не приснишься ли ты мне.

Гу Цинсю вскинул бровь. Артист стоял чуть впереди и, обернувшись, смотрел на него с явным вызовом. Даже через маску чувствовалось, что он ухмыляется.

— Присниться мне — это теперь кошмар? — спросил Гу Цинсю.

Инь Чжоу хитро прищурился:

— Если мне приснится хороший сон с твоим участием — вот это для меня будет настоящим кошмаром.

Сяо Ян и Ши Инь, невольно ставшие свидетелями этого диалога: «...»

«Они вообще замечают, что здесь не одни? Альфы всегда так общаются?!» — читалось в глазах девушек. Сяо Ян, будучи более сдержанной, просто вежливо улыбнулась коллеге. Ши Инь же, придвинувшись поближе, выразительно потянула её за край одежды, кивая на парочку.

В этот момент раздался сигнал, двери открылись, и в лифт ввалилась шумная толпа человек из

семи. Инь Чжоу оттеснили к стенке, и он, не имея выбора, оказался почти вплотную к Гу Цинсю.

Лифт медленно полз вниз, останавливаясь почти на каждом этаже — самый час пик. В кабине стояла сонная тишина: кто-то залипал в телефон, кто-то просто дремал на ходу. Никто и не подозревал, что в углу зажаты кинозвезда Гу Цинсю и главный «красавчик» индустрии Инь Чжоу.

На очередной остановке юноша качнулся вперёд. Он стоял твёрдо, не желая уступать место входящим: ещё шаг назад — и он окажется в объятиях Гу Цинсю.

А Гу Цинсю невольно смотрел на его затылок. Инь Чжоу сегодня снова был в свободной футболке, открывающей часть шеи. Актёр хотел отвернуться, но взгляд намертво прикипел к отметинам на коже.

Инь Чжоу не был похож на типичного Альфу. Его кожа была ослепительно белой и нежной, почти как у Омеги, хотя по всему остальному было ясно — это не так. На такой бледности любое покраснение казалось багровым.

Внезапно в лифте запахло кислым цитрусом — какой-то Альфа спросонья не удержал свои феромоны. Запах был слабым, и люди лишь поморщились, понимая — усталость берёт своё.

Но Инь Чжоу нахмурился. Спрей-ингибитор действовал поверхностно, а его нестабильное состояние сделало железу гиперчувствительной. Кожа на затылке начала нестерпимо зудеть.

Артист терпел несколько этажей, но лифт продолжал останавливаться. Раздражение нарастало. Наконец, не выдержав, он потянулся рукой к шее, чтобы почесать воспалённое место.

Но едва его пальцы коснулись плеча, чья-то рука перехватила его запястье.

Это мог быть только Гу Цинсю.

Юноша обернулся, взглядом требуя отпустить его. Но Гу Цинсю лишь пристально смотрел на его железу. Инь Чжоу передёрнул плечами: этот взгляд бесил его больше, чем вонь чужого Альфы. Он предостерегающе прищурился.

В тишине лифта шло немое противостояние. Внезапно веки Инь Чжоу дрогнули — Гу Цинсю выпустил феромоны! Но направлены они были не на него.

В ту же секунду какой-то мужчина в лифте едва не подпрыгнул. Он испуганно огляделся по сторонам, и кислый запах мгновенно исчез.

Он только что получил недвусмысленный сигнал от другого Альфы. Остальные ничего не заметили, лишь недоумённо покосились на него. Бедолага понял: в этом тесном пространстве находится кто-то, чья мощь и контроль феноменальны. Поэтому он оставил попытки вычислить наглеца и молча отвернулся.

Инь Чжоу видел всё. Контакт кожа к коже позволял ему ощутить тот мимолётный импульс. Когда чужая аура исчезла, его железе сразу стало легче. Значит, Гу Цинсю... помогал ему?

Актёр наконец отпустил его руку.

Выйдя из отеля, четвёрка направилась к парковке. Помощницы намеренно отстали на пару шагов.

— Спасибо за это, — негромко сказал Инь Чжоу.

Он и впрямь не ожидал от Гу Цинсю такой заботы, ведь им оставалось проехать всего ничего.

— Почему ты так беспощаден к собственной железе? — вместо ответа спросил Гу Цинсю.

Юноша беспечно усмехнулся:

— Ты думал, я её до мяса расчешу? Не преувеличивай. Но за заботу спасибо. Вечером с меня ужин.

Гу Цинсю промолчал. Он и сам не понимал, зачем вмешался. Обычно он не ввязывался в такие мелочи. Но был один момент, в котором он никогда бы не признался Инь Чжоу: выпуская феромоны, он думал лишь об одном — он не хотел, чтобы на железе этого человека оставался чужой запах.

Кулак мужчины непроизвольно сжался и снова разжался. Это беспричинное чувство собственности напомнило ему о самых мрачных временах.

Тогда, сразу после пробуждения его дара уровня ЗА, он ненавидел весь мир. Его выворачивало от любых феромонов; даже самые близкие люди вызывали у него ярость и желание крушить всё вокруг. Его разум был охвачен жадной разрушения.

Полгода он провёл в одиночестве, изучая собственные феромоны, раз за разом выпуская и укрощая их. Его комната была пропитана такой густой аурой, что никто не смел переступить порог. Так он научился абсолютному контролю.

И вот, спустя годы, появился человек, заставляющий его терять самообладание. Пусть на этот раз всё было иначе, но факт оставался фактом: он терял власть над собой. Гу Цинсю ненавидел это чувство. Оно лишало его индивидуальности.

Поэтому он и решил быть как можно ближе к источнику сбоя, чтобы исправить ошибку. А что касается этих странных порывов защитить и присвоить, свойственных Альфам по отношению к Омегам... что ж, это он просто перетерпит.

На съёмочной площадке они появились уже в гриме. Едва завидев их, режиссёр Линь Юймин схватил рупор и зычно прокричал:

— Учителя Гу и Инь! Напоминаю: больше времени проводите вместе! Держитесь за руки, обнимайтесь, привыкайте друг к другу! Нам нужны искренние чувства в кадре!

Все присутствующие тут же обернулись, и их глаза азартно блеснули. О-о-о!

<http://bllate.org/book/15873/1441284>